

27 квітня
2012 року
№ 4
(1126)

НЧАЕС НОВИНИ

www.chnpp.gov.ua

Президент України прийняв участь в церемонії запуску технологічного циклу будівництва нового безпечного конфайнмента

26 квітня на Чорнобильській АЕС почалися монтажні роботи по встановленню нового захисного спорудження (конфайнмента). Участь в церемонії запуску технологічного циклу будівництва нового саркофага прийняв Президент України Віктор Янукович, а також послы в Україні 21-ї країни, які є вкладниками Чорнобильського Фонду "Укриття".

"Ця конструкція по своїм масштабам не має аналогів в світі", - підкреслює Віктор Янукович, виступаючи на церемонії відкриття. Від імені України Президент висловив признательність всім країнам-донорам Фонду за їх розуміння і дійснє підтримку нашої держави в подоленні наслідків найважчої за всю історію члове-

чества техногенной катастрофы.

- Успешная реализация этого проекта будет гарантировать экологическую безопасность всех прилегающих территорий, сделает невозможным попадание радиации в атмосферу, - подчеркнул Виктор Янукович. - Строительство нового безопасного конфайнмента над четвертым энергоблоком ЧАЭС является одним из важнейших условий преобразования этого объекта в экологически безопасную систему.

Президент также добавил, что большие надежды в этой связи возлагаются на профессиональную команду, работающую на строительной площадке ЧАЭС, и поблагодарил за качественное выполнение задач на подготовительном этапе монтажа Арки.

Жизнь в контексте ЧАЭС

Это было время, когда ЧАЭС все еще была на устах у всех. Это был год, когда о станции уже вновь начинали говорить в победном тоне: пущен блок, готовится к пуску следующий. Это было время, когда станция и каждый, работающий на ней был овеян определенным ореолом героизма.

Именно в тот, далекий уже 1987 год, на ЧАЭС пришли 120 молодых специалистов-атомщиков.

Через десять лет из них на Чернобыльской площадке осталось чуть больше половины - 69 человек, спустя двадцать пять лет - лишь четверть. Их по праву можно считать ветеранами ЧАЭС. Некоторые из этих молодых ветеранов согласились рассказать нашим читателям историю своей жизни в контексте ЧАЭС.

Андрей Билык, технический директор - главный инженер ГСП ЧАЭС.

Закончил я Горьковский политехнический институт, физико-технический факультет, в 1987 году. Распределение происходило, как и во всех других ВУЗах Советского Союза, по нормальной схеме - приходила разнарядка, в зависимости от того, кто как учился, или выбирал, если был выбор, или уже то, что досталось. Я распределился на Запорожскую АЭС, был очень доволен, потому что после практики на Нововоронежской АЭС, после 4-го курса, у меня была, на тот момент, голубая мечта - работать СИУРом (старшим инженером управления реактором) на ВВЭР, а тут новейшая станция в Союзе, поточным методом строились самые новые блоки-миллионники, что ещё желать молодому специалисту? Плюс - Украина. Два места у нас было на специальности на Запорожскую АЭС, я туда и распределился. Но, судьба сложилась так, что я до Запорожской не доехал. Когда было принято решение Чернобыльскую АЭС восстанавливать и продолжать эксплуатацию, где-то в январе 1987 года, за полтора месяца до защиты диплома, приехали к нам, как и в остальные ВУЗы, представители Минэнерго СССР, нас собрали, будущих выпускников, объяснили, что принято такое решение, требуются молодые специалисты, обрисовали перспективу определенную. Чего уж греха таить: зарплата и жильё - это было всегда актуально. Плюс, рассказали, что будут строить новый город - Славутич. Вот так с нами пообщались, побеседовали, решение каждый принимал сам, т.е. абсолютно не было никакого там давления, ни по комсомольской, ни по партийной или обще-

ственной линии. Единственное, что решение нужно было принимать достаточно быстро, т.е. нас буквально сегодня в обед собрали, и до следующего дня, до утра, надо было решение принять, не было времени ни с родителями посоветоваться, ни с кем другим. Вечер, ночь - вот я такое решение принял. Единственное, с кем я советовался, это те, кто в составе стройотряда участвовал в 1986 году в ликвидации последствий аварии, в основном это те, кто учился на курс младше меня, мы не смогли поехать, потому что были на сборах в советской армии, а они работали тогда дозиметристами, вот с ними тогда советовался: "Что?", "Как?". С родителями посоветоваться возможности не было; всё, больше советоваться не с кем было, я тогда был холостой.

- Ваш первый рабочий день, именно здесь - на площадке?

- Мне, наверное, несколько повезло. Нас несколько было таких человек, которых приняли сразу в реакторный цех инженерами управления реактором, что вообще не характерно для практики оперативной работы на

АЭС. Как правило, принимают на рабочие должности: оператор по разным направлениям или же обходчик, если в турбинный цех. Собственно, мы на это и рассчитывали, но так получилось, что приняли решение взять нас сразу инженерами управления реактором. Я думаю, кто-то помнит ситуацию в 87-88 годах, кто-то из припятчан ехал в Славутич, кто-то хотел остаться в Киеве, поэтому нормальные руководители уже просчитывали возможную быструю замену персонала. Вадим Васильевич Грищенко - на тот момент начальник РЦ-1, специально создал такую должность, практически искусственную, чтобы мы могли за короткий срок быстро и качественно подготовиться на СИУРа, поэтому нас приняли, несколько человек, ИУРа, т.е. в оперативный персонал. Первый рабочий день? Приехал с Зеленого Мыса, накануне встретились с начальником РЦ-1 Грищенко Вадимом Васильевичем, он нам объяснил куда ехать, куда идти, получили пропуска в Чернобыле, прибыли на АБК-1, в цех, получили спецодежду, потом нас отвели на рабочее место. Лично меня приписали к БЦУ-2, вторая смена, Янклович Владимир Маркович - зам. начальника РЦ по эксплуатации, передал в руки НСБ и СИУРу, которые были тогда на смене, сказал: "Вот твоя смена, вот твой пульт, вот и учись". Вот такой первый рабочий день. Дальше всё сам, т.е. как сам, конечно же, смена есть смена, это коллектив, были наставники, к сожалению, не все уже живы, но я их прекрасно помню, очень благодарен тому, как меня приняли. Дальше пошёл по смене, установили сроки подготовки, должностная инструкция.

- Сколько у вас ушло времени для подготовки на СИУРа?

- 13 мая 1987 года я прибыл на

площадку ЧАЭС, где-то в течении 7-и месяцев подготовился на ИУРа, стал самостоятельно работать, а уже с июля 1988 года встал за СИУРовский пульт самостоятельно. Тогда время было другое, требования, конечно, были, но не всегда эти требования, в силу обстоятельств, выполнялись, я имею в виду сроки подготовки. Тогда меня это лично не касалось, мне сказал начальник: "Вот тебе срок такой-то, придешь через два месяца экзамены сдавать". Сейчас, конечно, требования изменились, появились лицензионные требования, сроки на подготовку на полномасштабном тренажере, если речь идёт о действующей станции, то на нём обязательно надо проходить подготовку и переподготовку. Тогда этого не было, мы учились у своих опытных коллег и непосредственно на рабочем месте. Потом, чуть позже, появился полномасштабный тренажер РБМК на Смоленской АЭС в Десногорске, и мы туда ездили: СИУРы, СИУБы, СИУТы, НСБ, я, в том числе, когда на НСБ готовился, тоже там проходил стажировку, но в 1987 году этого ещё не было. Сейчас, когда вспоминаешь, тогда страшно не было, или просто некогда было об этом думать. Было много работы, работа интересная, было много всего нового, страха не помню, чтобы коленки тряслись или руки дрожали, хотя во многих ситуациях приходилось бывать, не без этого, но, наверное, учителя были хорошие.

- Когда вы пришли к решению, что это ваша станция, ваше рабочее место, и вы отсюда уже никуда не уедете?

- Трудно сказать. Конечно, поначалу были мысли, знаете, вредный стаж выработать, тем более, что под Нижним Новгородом тогда атомная станция теплоснабжения строилась, ещё не было решения её закрывать, поэтому были мысли, что тут подзаработаю, какой-то опыт приобрету, должность, прочее и вернусь назад. А потом, потом - Славутич. Где мог молодой специалист получить на троих, причём, когда я привез дочку, ей было 4 месяца, я её привёз в трехкомнатную квартиру - это было можно где-то в Советском Союзе получить? Наверное, нет. Плюс, тот Славутич, который тогда был на фоне остального СССР конца 80-х. Но, всё равно, не сразу

это решение пришло, а потом жизнь затянула, вроде собрался куда-то там - должность предложили, освоился, опять куда-то начал собираться - опять предложили, ну, вот так вот 25 лет и прошло.

- Ваш трудовой путь на Чернобыльской АЭС?

- Ну, он не очень ветвист, ступеньками. Про то, как я стал СИУРом, я уже рассказал, следующий этап - это старший инженер управления блоком, следующий - начальник смены блока, потом - начальник смены станции, потом - заместитель главного инженера по безопасности и радиационной защите, далее - заместитель главного инженера по эксплуатации, ну и вот, с 2005 года - главный инженер. Вот и всё.

- Как вы, спустя 25 лет, оцениваете свой институт? Окончи вы другой институт, то что-то поменялось бы?

- Ну, во-первых, своей альма-матер, которую я закончил, я очень благодарен, хотя, попал туда почти случайно, но это отдельная история. Но, видимо, счастливое стечение обстоятельств, потому, что когда я туда попал, я понял, что это - моё. И где-то после третьего курса, когда уже стало понятно, чему тебя, в конце концов, учат, потому что первые курсы - это общие дисциплины, мне стало интересно. Стало интересно то, что я учил, то, чему меня учили, и когда я съездил на практику, это подтвердилось. Мыслей менять специальность у меня не было. Может это в силу собственной лени, особенно если вспомнить тяжелые девяностые года, какую здесь зарплату платили, а было время, когда и вовсе не платили, многие себя пробовали в бизнесе, у кого-то получилось, у кого - нет. А что касается самореализации, если человек хочет работать в этой области, то я считаю, что та школа, которую я закончил, позволяет это сделать. Т.е. нам достаточно давали образования, нам повезло в том, что нас учили те, кто непосредственно делал что-то своими руками, сам конструировал. Допустим, лекции по конструкции нам читал тот, кто непосредственно является главным конструктором первого реактора атомного ледокола "Ленин". Когда этим людям приходилось сдавать зачёты, и ты что-то неправильно говорил, он тебя брал за руку, вёл в

лабораторию и говорил: здесь пружина, здесь гайка, это то, что он придумал и сделал сам. Поэтому, я считаю, что у нас школа хорошая была, которая позволяла практически применять знания. И, естественно, чем высшая школа Советского Союза отличалась - она учила учиться. Когда я сюда приехал, о реакторе РБМК я понятия не имел, поскольку у нас была специализация на судовые установки, слышал краем уха, что есть такой реактор, но, тем не менее, взял инструкции, чертежи... нас научили учиться.

- Что повлияло на ваш выбор стать инженером?

- История, как я попал на физико-технический факультет, абсолютно не связана с моим выбором стать инженером. Во-первых, я из семьи военных, у меня отец - военный, дед был военным, погиб, к сожалению, в 1941 году в Киеве, ну и мне сам Бог велел продолжить традицию, и практически всё уже было на это настроено. Но, так получилось, что не попал я в военное училище, не то, чтобы не поступил, по другим показателям. Мне сказали, что в любой гражданский ВУЗ; когда стали выбирать, получилось так, что родители оставались ещё на 4 года за границей - отец там служил, мне - в Советский Союз, в свободное плавание в 17 лет. Подыскали, где там бабушка поближе - вот появился Горьковский политехнический институт. Стал листать проспект: автомобильный, механический факультет - не моё, химический - тоже, посмотрел физико-технический, атомные станции и установки, физику и математику я любил в школе, вроде интересное, на то время очень современное, модное направление - атом. Полистал дальше - стипендии, везде 40 рублей, а там - 55, всё, решение принято. Поэтому говорю: романтики здесь никакой, абсолютно.

- А когда вы поняли, куда вы, собственно, попали?

- Реально мы поняли, чему нас учат, где-то к курсу третьему, когда стали читать практические дисциплины, непосредственно по специальности. Во-первых, факультет у нас был закрытый, и 15 рублей доплачивали не за престиж, а Минсредмаш за будущую вредность, ну и, собственно, на факультете уже начинали с источниками работать, и проходили, как положено, ежегодные медос-

мотры, тетрадки с грифом "Секретно". Втянулся, появился интерес. Ответственность тоже стимулировалась очень просто: что-то нарушил - лишаешься допуска, а допуск к особым работам мы получили ещё в институте, автоматом, с лишением допуска, вылетаешь с института, и в армию! На самом деле, это сильно дисциплинировало: и пропускная система, и работа с определенными документам с грифами.

- 25 лет назад, вы оказались в том времени, распределение, у вас одна ночь..

- То же самое. Потому что теперь я знаю прикуп, это, во-первых. Я удовлетворен теми 25 годами, хотя они пролетели очень быстро. И если бы спросили, я бы согласился повторить то же самое.

Владимир Дуда, заместитель руководителя проектной группы ХОЯТ-2 ГУП СЭ.

- Сам я из города, который в советские времена назывался Арзамас-16, сейчас - Саров Нижегородской области. Это, скажем так, кузница ядерного оружия Советского Союза.

- Ваши родственники сейчас живут там?

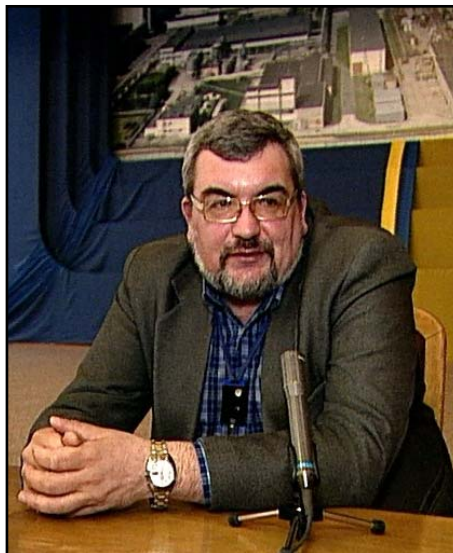
- Мама...

- То есть вы с детства знали, что к чему в энергетике?

- Попал я в энергетику совершенно случайно. В 1981 году, после окончания средней школы, поступал в центральный МИФИ, конкурс был, примерно, 4 человека на место, я не добрал баллы и попал в Обнинский филиал МИФИ на факультет "Атомные электростанции и установки". Учились мы пять с половиной лет - с сентября 1981 по февраль 1987 года. В апреле я приехал сюда по распределению.

- А как происходило распределение?

- На самом деле наше распределение состоялось ещё на третьем курсе, мы все были распределены по разным местам. Чернобыльская АЭС (третий курс - 1984 год) считалась очень престижной станцией, два места всего было выделено, их сразу забрали лучшие студенты курса, а я был распределен на Игналинскую АЭС. Учебный процесс был поставлен таким образом, что с марта 1986 года я проходил преддипломную и дипломную практику на месте своего рас-

пределения. В январе 1987 года мы собрались в Обнинске на защиту дипломов, защитили, получили их, и когда уже ждали самого факта распределения, в институте собрали общее собрание курса. Прошёл слух, что всех отправляют на Чернобыльскую АЭС, и, как говорится, кто-то плачет, кто-то думает. На самом деле всё оказалось куда проще: мы все собрались в актовом зале, вышел наш декан, присутствовал ещё Александр Григорьевич Кедров - бывший заместитель начальника по эксплуатации РЦ, тоже выпускник нашего института, но на несколько лет раньше, он специально приехал. Декан сказал буквально следующее: вы все знаете, что произошло на Чернобыльской АЭС, станция испытывает большие проблемы с персоналом, поэтому она заинтересована в притоке молодых специалистов, но никаких четких указаний нет, захотите - все поедете на ЧАЭС, не захотите - поедете по своим местам распределения. Единственное, что могу обещать, что те, кто поедет на ЧАЭС в самую первую очередь получат распределения. Мы с моим товарищем - Нефедовым Алексеем Сергеевичем, сейчас он работает в Славутичском филиале в ГНТЦ ЯРБ, подумали и решили сюда поехать. Подошли и сказали "Да, мы поедем в Чернобыль", и таких с нашего курса - свыше 20 человек.

- Вы знали, что такое Чернобыльская АЭС?

- Во-первых, как ни крути, мы 5 лет этому учились, практически год я провёл на Игналинской АЭС - это почти что аналог, плюс в 1986 году сюда направлялись, скажем так, студенческие стройотряды, работали здесь ребята дозиметрис-

тами, они где-то на три недели приезжали - это и Александр Гурдин и Андрей Савин. Александр Новиков, по-моему, здесь был... Они рассказывали что происходит на ЧАЭС, да и мы, в общем-то знали, что такое атомная электростанция, ну то есть это всё равно, что окончить военное училище и сказать "Я не пойду в армию, я боюсь, вдруг война случится!"

- Как отреагировали ваши родители?

- Я просто сказал, что распределяюсь и еду на Чернобыльскую АЭС. Что они думали - не знаю, но, во всяком случае, не сказали ничего. Это моя профессия, моё осознанное решение, я родителей об этом уведомил, и они приняли это. Может быть, в душе они не хотели, но отговоров не было.

- Что повлияло на ваш выбор стать инженером?

- У меня родители инженеры, они работали во ВНИИЭФ - основной организации Арзамас-16, видимо, шел по стопам. Они, правда, не энергетики, отец работал, скажем так, в цехе ТАИ, если по нынешней терминологии, мать - в медицине.

- И каковы были ваши первые впечатления?

- Мы приехали в Киев, нас поселили в общежитии на Васильковской. Тогда отдел кадров перемещался по Троещине - на Балзака, на Драйзера... Пришёл туда, показал своё распределение, в определенные дни туда приезжали руководители подразделений на собеседование. Меня определили в реакторный цех, и в один из четвергов Вадим Васильевич Грищенко - начальник РЦ-1, провел собеседование со мной в отделе кадров, сказал "Да, принимаю - пиши заявление" - и меня взяли оператором ПТУРО в реакторный цех.

- Вы помните ваш первый рабочий день?

- Сейчас уже четко не помню. У меня от того года четкое впечатление осталось - где-то в конце апреля выпал снег, и мы уезжали из заснеженного Киева. Тогда только создавался учебно-тренировочный пункт, и нас месяца два должны были учить. Но второго мая нас вызвали на работу: кадровый персонал по дозам уже выходил. Мы приехали в Зеленый Мыс, поселились, третьего мая на станцию прибыли, но первый день не очень как-то помню. Пошли к руководству ПТУРО, оно тогда

сидело на АКС, вызвали нашего мастера - наш первый мастер был Виктор Михайлович Шек, покойный уже, к сожалению, и он нас уже повел на рабочее место, представил бригаде, и началась работа.

- И в чём она заключалась?

- Первая моя должность, как я уже говорил, это оператор ПТУРО. Мы тогда сидели на блоке, либо в центральном зале, либо у нас была отдельная мастерская на входе в БК, на 37 отметке вроде бы, сейчас уже не помню. Работа состояла в следующем: тогда, после аварии, были выгружены активные зоны, в бассейнах выдержки находилось ОЯТ, оно хранилось не как сейчас - в пеналах, а на гибких подвесках. Центральные залы все были заполнены отработавшим ядерным топливом, и надо было их освобождать, т.е. мы готовили топливо к отправке на ХОЯТ-1, а также осуществляли подготовку свежего топлива к загрузке в реактор.

- Ваши друзья и родственники, которые остались дома, спрашивали "Что там у вас на Чернобыльской АЭС?". Что вы рассказывали?

- Спрашивали, конечно. Я всегда отвечал примерно то, что пишут в газетах, потому что как можно непрофессионалу объяснить вещи, которые нам понятны? Для примера, спрашивают: "Как у вас там с радиацией, есть?". Я говорю: "Есть, конечно!", мне говорят: "А вот у нас тут мерили, 60 намеряли, это плохо?". Я отвечаю: "Не знаю, что вам там мерили, мощность дозы, частицы... Могу только одно сказать: 60 - это лучше, чем 80, но хуже, чем 40".

- Расскажите, как сложился ваш трудовой путь на ЧАЭС?

- Год я проработал в центральном зале - в ПТУРО, потом я перешел на ЩВХ - щит водного хозяйства, тоже в реакторном цехе, там также примерно год поработал, и где-то с февраля 1989 года я ушел на блочный щит управления. Подразделение называлось оперативной группой управления, сейчас - СОУ, и до 1998 года работал, сначала на 2-м энергоблоке, потом на 1-м - ведущим инженером управления блоком и начальником смены блока. С 98-го года перешел работать в УТЦ, проработал почти 12 лет, и с 2010 года я работаю в ГУП СЭ, в проектной группе ХОЯТ-2.

- По прошествии 25 лет, как вы

думаете, вы правильно сделали свой выбор, приехав сюда?

- Правильно или не правильно - трудно оценить, но я не жалею. Я сделал свой выбор, и ни о чём не жалею. Да, в своё время мы как-то разговаривали: "Вот на Игналинской АЭС сейчас бы уже был гражданином Евросоюза", но, не всё так просто. Мы на первых порах созванивались с друзьями, там - клетка, золотая, но клетка...Короче, там тоже не всё так радужно и хорошо.

- Можно ли сказать, что Чернобыльская АЭС - это ваша судьба и жизнь?

- Сейчас уже можно сказать. Больше половины жизни я провел на ЧАЭС.

- То есть, если бы у вас появилась возможность прожить жизнь заново, вы бы ничего не поменяли?

- Нет, я бы не стал менять. Грех жаловаться, своим выбранным путём я доволен.

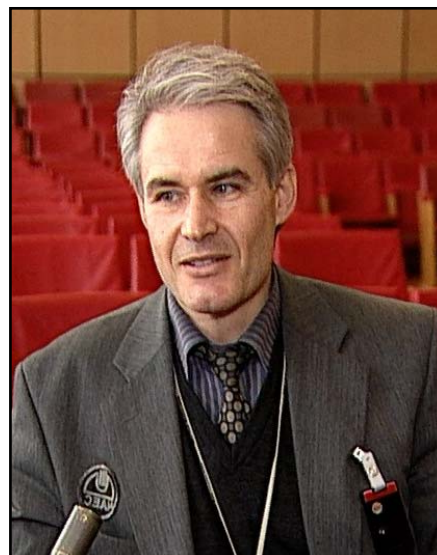
Юрий Гриценко, заместитель начальника ЭЦ.

- Сколько Вам было лет, когда вы пришли на станцию?

- 23

- Как происходило распределение на Чернобыльскую АЭС?

- В институте нормальные люди уже с третьего курса присматриваются: "Куда бы распределиться?". В советское время пространство было огромное, и мысли были всякие разные. Хотелось, чтобы и работа была интересная, и перспективы нормальные, думали "Как с квартирой, с зарплатой?". В общем, мысли были самые разные, вплоть до какого-нибудь Экибастузгля. Потом мы съездили на третьем курсе на практику, сюда в Припят. Кстати, припятчан у нас было 5-6 человек, т.е. о городе мы знали понаслышке, а потом мы сюда приехали на практику. Тогда здесь заканчивался монтаж 3-го блока, уже пуско-наладка шла, и монтировался четвертый, и мы тут провели две недели изумительно. Во-первых, мы сделали шикарную вылазку на Припят, сейчас мы по мосту когда проезжаем, я постоянно вижу это место, оно немножко изменилось, но вспоминаю как это было, как мы там загорали, как сгорели. Было очень хорошее время, сам город очень понравился, мы, правда, жили на окраине, среди "рэксов", как их

тогда называли - мужики, которые всё монтировали, наёмная рабочая сила, которая умеет всё, что угодно. Мы, собственно, в ГЭМе и работали тогда на практике. Т.е. понравилась станция, понравился город, не было сомнений, что она развивается. Собственно, и о том, что строятся 5-й и 6-й блоки мы знали. Так что последний год своей учебы, если не больше, я посвятил тому, чтобы попасть сюда - очень хотелось. Мы как раз оканчивали пятый курс, а ЧАЭС взяла и "сломалась". Меня это очень огорчило, я решил, что сюда не попаду, потому что её теперь закроют, и ничего не будет. А потом, во время предварительного распределения, с огромным удовлетворением узнал, что Чернобыльская АЭС испытывает потребность в неограниченном количестве молодых специалистов, я записался - и всё.

- Никто Вас не заставлял?

- Всё было наоборот: у меня был первый диплом и я выбирал из всего, что предложено.

- Я к вопросу о том, что сейчас муссируются разговоры о том, что силком людей затаскивали, по велению партии...

- Не помню такого. На самом деле, из моего выпуска специалистов - электриков, энергетиков, четыре человека по собственному желанию записались туда и на окончательном распределении точно так же, взяли эти направления и поехали, все холостые, не слишком испуганные, детей и жен нет, чтоб держали и хватали. Были несколько ребят наших, уже женатых, они говорили: "Нет, не поедем, нас сюда не тянет", распределились по тепловым станциям. Через полгода, после

того, как мы здесь уже работали, эти ребята летом появились, потому что там пообещали молодым специалистам, что будет вам квартира и перспектива, а когда дошло до дела, они поняли, что квартиры им ждать долго. Приехали и семейные ребята. Т.е. из моего выпуска итог получилось, по-моему, семь человек.

- Как Вас приняли?

- Нас, во-первых, послали в Киеве в подразделение Яновского - в УТЦ, он там жил на Васильковской, в общежитии. Тогда вся Чернобыльская АЭС, вместе со всеми, кто на работу ездил, была размазана по всему Киеву: отдел кадров на Драйзера, Бальзака, УТЦ на Васильковской. В общем, мы там за 10 дней чему-то научились, получили свидетельства о том, что мы прошли этот курс. Может нам там рассказали про радиационную безопасность, но я уже не помню. Нам хотелось сюда, на самом деле. Приехали в Зеленый Мыс вечером, никто нас не ждёт, не встречает, никаких цветов и красных дорожек, как-то было не до нас. Я потом понял, что тут такое закрутилось. Походили, поспрашивали, пришёл в электроцех, придумали, как поселить, на следующее утро поехали в зону, вот и всё. Какое-то время ждали допуска, но после КПИ, наверное, это было не так уж и долго, поэтому где-то через недельку нас уже пустили. На ОРУ вневедомственная охрана, а ЗСР под физзащитой, так что мы первую вахту были на ОРУ.

- А что Вы делали на первой вахте?

- Учил правила пожарной, радиационной безопасности. Нас приняли монтерами, в релейную защиту, Андрей Трофимович Зиненко нас взял, после легкого экзамена, на котором я, кстати сказать, слегка облажался: мне даже в голову не приходило, что будут спрашивать что-то по специальности. Должны спросить: "Хочешь ли ты работать?", "Где ты хочешь жить?", ну, что-то такое, а он спрашивает: "Нарисуй-ка схему транзистора", "Диаграмму векторную нарисуй, для тока в этой схеме". Я как нарисовал! Он на меня посмотрел, скривился. Говорю: "Ой, что я рисую, действительно!" - я знал, как надо правильно, на самом деле, но... Короче говоря, он сказал: "Ладно, возьму тебя по пятому разряду в релейную защиту". Я думал, что это из-за моего ответа "удачного".

Но, в принципе, всех тогда так принимали. Я сейчас удивляюсь: молодежь приходит, зачастую очень слабо подготовленная (есть такое, хоть и не все, бывают толковые ребята), а их раз, вперед: "Инженеры!". Да какой там ты инженер, ещё, зачастую, не готов.

- И сколько Вы были электромонтером?

- Два года, почти.

- Т.е. Вы два года, по большому счету, изучали свою профессию?

- Совершенно верно. И было что учить, на самом деле. Если бы я до института работал где-нибудь по специальности, я бы знал, что мне учить, а так, общие знания получил. Теория есть, кстати, она помогает, если умеешь применять, но, в общем-то, хватало тех вещей, на которые я бы мог обратить внимание ещё во время учёбы. Честно говоря, большого стремления и не было, меня вполне устраивало... Я вообще был в шоке, когда получил первую зарплату, мне выдали что-то около 745 рублей, по советским меркам это было вообще, что-то фантастическое. Т.е. большого желания расти куда-то... ну, будешь на 200 рублей больше получать, и так - хорошо.

- Площадка ведь была совсем не такая, какой Вы её видели за три года до этого, площадка была аварийная.

- Во вторую вахту мы как-то пошли на вторую дизельную электростанцию - восстанавливать один из дизель-генераторов. Территория была вся перерытая, где-то грунт снимали, где-то наоборот - насыпали. Стояли переносные устройства физзащиты, "паутинка", "колючка", треноги переносные, стоял пост, с пропуском вышли прямо за охраняемую территорию, потому что вторая дизельная находилась уже за ней, она попала в ту зону, которая всю реанимировалась после взрыва. Я бы не сказал, что всё было в ужасном виде, меня, скорее, поразило количество "партизан". Огромное количество людей в форме темно-болотного цвета, с лопатами, вениками, у кого-то на носу "намордник", у кого-то на ухе...

- А как Вы, как молодой специалист, вообще, как молодой человек, относились к правилам радиационной безопасности? Вы уже прониклись, что это серьезно?

- Я не сомневался, что серьезно. Я, по крайней мере, "лепесток" одевал, и на живом примере видел, как один мой товарищ глупость совершил. Нам пришлось дезактивировать значительную часть оборудования, с нами ещё были два учёных из Новосибирска, и мы спирто-фреоновой смесью из пульверизатора поливали электрическое оборудование. С одной стороны, такой состав не вызывает коррозионных явлений; с другой стороны, и перекрыть не должно, если напряжение не полностью снято. После измерения уровень загрязнённости. Они диссертацию писали, а мы таким образом оборудование дезактивировали. И вот в этом процессе один товарищ помогал нам, лазил поверху по шкафчикам с тряпочкой, щеточкой, с раствором каким-то, мы ему: "Серёжа, ты что же без "намордника?". Вечером пошёл сдаваться в медпункт, горло черного цвета стало - "бетой" надыхался, ну ничего, облезло маленько горло, всё прошло, ну, как ангиной человек переболел. По себе помню, что было ощущение: приедешь на вахту, где-то дня три идёт привыкание, кашель какой-то, потом прошло. А с точки зрения, как я ко всему относился как инженер: он же человек военный почти, взвешивает, сколько что весит, величины, уровни сравнивает, ну и взвесил: 5 бэр, это считалось абсолютно безвредной дозой. Те самые спецы, ещё сталинских времен, определили - 25 бэр, человек практически остаётся "неушкодженним". Там, где мы работали в 1987 году, фон был максимум до 40-70 миллирентген, там уже работали с индивидуальным дозиметром, т.е. ограниченное время.

- Кого Вы помните из своих тогдашних наставников?

- С большой теплотой вспоминаю. Сегодня вот даже подумал, что они тогда были моложе, чем я сейчас, хотя для меня были авторитетами весьма серьезными. Замечательные люди, особенно мне запомнились два человека. Один из них, покойный ныне Александр Петрович Малышев, очень опытный и интересный сам по себе человек, "монтерил" по высшему - 6-му разряду. У него были свои подходы к организации рабочего места, к подготовке аппаратуры, схемы, как эту схему развесить, т.е. у него был запас магнитиков, он ими схему раз, и прилепил, всё же вокруг металлическое. Чернила

должны быть специальные, знал, как их приготовить, пользоваться, как реле настраивать, как пользоваться той же установкой, в общем, подход нравился. И мастер у меня был - Александр Григорьевич Кутков, тоже замечательный парень, ему тогда был 31 год, тоже чему-то научил, что-то объяснил.

- Т.е. два года Вы были электромонтёром, а потом?

- Предложили мастером работать: "Сможешь?", я говорю: "Попробую". Сменил место работы на мастера, в той же службе релейной защиты. Долго я "мастерил" - 10 лет, а в 98 году стал старшим мастером, тогда сменили вывеску: все старшие мастера стали начальниками участка, так что проработал два года начальником участка, а потом испугался и убежал со станции, это была паника - 2000 год. Я был на тот момент начальником участка защит и возбуждения трансформаторов, мне довелось поучаствовать с замечательными людьми, в декабре в последний раз включили в сеть генераторы ТГ-5, ТГ-6, а потом всё - останов, плывите, кто куда сможет, я ушёл со станции. Может даже, и сожалею сейчас. С другой стороны, поскитался немножко, и в городе работал, и в Киеве, побывал на всех украинских атомных станциях, на Игналинскую съездил в командировку, посмотрел, как города выглядят, как станции, наш город - лучше.

- А когда Вы переехали в Славутич?

- Ну, как квартиру дали. Тоже интересно получилось, кстати. У меня дочь родилась 29 ноября 88 года, и когда она получала паспорт, у нас как-то не сложилось с паспортным столом, я получил ордер и прописал всех: себя, дочку и жену, 29 ноября 1988 года, в паспортном столе не могли понять, как это она родилась и в тот же день прописалась, такого не должно быть.

- Чаще всего думают, что 1986-87 год, это одна сплошная ликвидация последствий аварии, и мало кто знает, что станция работала.

- Самая обычная работа. Я застал уже спокойный момент, работали со мной люди, которые бегали в мае 86-го с трубами, насосами, все же залито было по минусам, надо было откачивать это всё, по "золотому" коридору бегали не потому, чтоб скорей, а потому, что

наберешь дозу приличную. Я всего лишь один раз застал автобус, обшитый свинцом. Т.е. уже была совершенно спокойная работа, ну да, надевали чепчики и, въезжая на КПП "Зеленый мыс", надевали "лепестки" и ехали в них. Вот это единственное. Работа самая обычная, ни разу не было у меня ощущения, что подвергаю себя какой-то опасности.

- Вы чувствовали, что Вы - герой?

- Нет, ни разу, абсолютно. Причём, меня очень удивляло, уже по прошествии стольких лет, как у нас салютовали на День города шикарно, кого мы только не приглашали. Друзья из Киева приезжали, но не все, и те, кто приезжали тоже спрашивали: "А как мы к вам поедим? Насколько у вас там страшно-опасно?".

- Можно ли сказать, что работа на Чернобыльской АЭС - это Ваша трудовая судьба? Не жалеете ли Вы, что попали сюда?

- Конечно, нет. Если бы жалел, я бы не вернулся сюда в 2006 году. Я шесть лет покатался там-сям, не жалею, что я всё это приобрел, это тоже часть моей жизни, но вернулся не без удовольствия, и никаких мыслей такого плана, что об этом надо жалеть, никогда не было. О чём жалею, что когда выбирал профессию энергетика, когда ехал сюда на работу, когда начинал работать, я чувствовал, что то, что я делаю весьма близко к тому, что по проводам течет ток под напряжением 750 киловольт, хоть в Сибирь, т.е. реальная отдача, от того, что ты делаешь, позволяет себя чувствовать значимее, а сегодня нет такого ощущения, к сожалению.

- Если бы 1987 год вернуть, Вы бы поменяли что-нибудь в своей жизни? Ну, например распределение в другое место?

- Что-нибудь, но не это. Мне наоборот интересно, у меня был шанс закончить на год раньше, и я бы смог попасть сюда ещё перед аварией, и вот зная, что случится, поехал бы я или нет? Не знаю. А так, если повторить 87 год, то поехал бы конечно.

- 25 лет прошло, как Вы окончили институт, Вы общаетесь со своими однокурсниками?

- На 7 апреля запланирована встреча очередная, собираемся каждые пять лет. Общаемся и так, в промежутках. В студенческие

годы это была моя семья, можно сказать, теперь это уже не совсем так, у меня своя давно. Но, тем не менее, они значительное место занимают в моей жизни, мы связываемся, встречаемся, я в гости езжу.

- Вы теперь можете сравнить себя - молодого специалиста 25 лет назад, и сегодняшних молодых специалистов, с которыми Вы встречаетесь, будучи руководителем. Есть какая-то разница или общее?

- Очень похожи, на самом деле. В значительной степени. Я примеряю, конечно, что их сознательная жизнь прошла в других идеологических условиях, и это что-то накладывает, но это маленький штрих в характере, они как-то более свободные. Но, с другой стороны, это свойство характера, в моё время тоже кто-то был более зажатым и скромным, а кто-то - трибуном. Смешно за 25 лет говорить, я думаю, за последние 3000 лет человек не очень-то поменялся, скорее всего.

- Наверняка же, за последнее время, когда Вы уже принимали на работу, были люди с КПИ, Вы чувствуете, что это тот же уровень?

- С Киева как-то мало, я даже и не вспомню, у нас больше "севастопольских", это связано с нашими определенными условиями.

- Как Вы оцениваете подготовку этих специалистов?

- У меня были поводы думать, что подготовка стала хуже, но, всё-таки, другие примеры показывают, что не в подготовке дело, а в конкретном человеке. Кто хотел, тот и учился и думал. Один замечательный преподаватель физики, не мой, правда, но слова мне его понравились, говорил своим ученикам: "Не стыдно не знать, стыдно знать и не понимать". Так вот, если у человека стремление не только принять информацию, но и её использовать, осознать, понимать, то всё нормально у него будет, и я не думаю, что его подготовка чем-то отличается от подготовки специалистов 25 лет назад.

- Не жалеете ли Вы, что выбрали именно эту профессию?

- Нет, жалеть не жалею, совершенно.

Продолжение читайте в следующем номере.

Вогонь Чорнобиля не згасає

Спливатимуть роки, поволі стиратимуться сліди Чорнобильської катастрофи, але всі ми, хто є і хто прибуде у цьому світі, зобов'язані вертатися пам'яттю до 26 квітня 1986 року. Цей вибух започаткував найбільшу техногенну катастрофу ХХ століття. І так сталося, що він покликав до першої шеренги сміливців саме пожежників, які безстрашно вступили в двобій із вогнем, пронизаним смертельною радіацією - вони йшли у вогонь і пекло добровільно, цілком свідомо, бо за ними стояли їхні матері, брати, сестри, дружини, діти. За ними стояло майбутнє людства. У ліквідації Чорнобильської катастрофи брала участь практично вся країна, весь колишній Союз. Ціною титанічних зусиль мужні вогнеборці підкорили вогняну стихію, не дали їй розповсюдитися на інші енергоблоки, що призвело б до непередбачених наслідків. Їм довелося виконувати багато завдань, які виходили за межі їхньої професії. Це - доставка та розпилення дезактивуючих розчинів, скидання радіаційного сміття, що лежало на покрівлях і майданчиках вентиляційних труб станції, дезактивація приміщень і будівель АЕС, відкачування "важкої" води з-під четвертого енергоблоку, складання карт рівнів радіації, поновлення систем водопостачання тощо Проте жодного випадку відмови не було.

Шестеро наших товаришів, імена яких золотими літерами записано на скрижалі історії,

віддали своє життя, щоб урятувати світ. Це Володимир Правик, Віктор Кібенок, Микола Ващук, Василь Ігнатенко, Микола Титенко, Володимир Тишура. Вогонь Чорнобиля опалив життя тисяч інших ліквідаторів, яких сьогодні вже немає серед нас. Спливатимуть роки, але імена героїв ніколи не зітруться в пам'яті кожного з нас. У скорбний день ще раз вклонімося пам'яті тих, хто прийняв на себе смертоносний удар ядерної стихії й ціною власного життя і здоров'я підкорив вогонь Чорнобиля. **Вічна пам'ять Героям!!!**

Колектив відділу наглядово-профілактичного обслуговування ДСП "Чорнобильська АЕС" пишається тим, що продовжує справу героїв-чорнобильців і бажає міцного здоров'я, щастя, успіхів, благополуччя та родинного затишку ветеранам пожежної охорони.

**Начальник караулу 2-ДПЧ по охороні ДСП ЧАЕС,
капітан служби цивільного захисту
В.М. Нехай**

**Інспектор ВНПО ДСП ЧАЕС,
старший лейтенант служби цивільного захисту
І.В. Пономаренко**

Новини ЧАЕС

Засновник - державне спеціалізоване підприємство "Чорнобильська АЕС"

Новини ЧАЕС

Над номером працювали:
Головний редактор Майя Руденко
Олена Семашко, Тетяна Агеєва
Вадим Любимий, Євген Перін
Тел.: 2- 59 -02, 2-57-46
E-mail: ipo_3@chnpp.gov.ua

Газета заснована у 1995 році.
Свідоцтво про державну реєстрацію друкованого засобу масової інформації Кі №830 від 11 листопада 2004 року